

Алексей Калинин

Академия попаданок

Третий семестр

16+

Алексей Калинин

Академия попаданок.
Третий семестр

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Калинин А.

Академия попаданок. Третий семестр / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Перед второкурсницами открывается мир Стратуина. Мы можем стать тут королевами, но каждый встречный считает своим долгом сделать из нас рабынь. Однако обыватели не готовы к моему приходу, а я ни за что не соглашусь мыть унитазы и доедать за кем-то. Новые враги в разы превышают число старых друзей, поэтому шутки оставлены в Академии, а с собой взяты дерзкие приколы. Да ещё и чёрный маг похитил почти половину первого курса, а мы должны вытащить девчонок из его алчных ручонок. В общем, наша задача - выжить, а моя - ещё и поразвлечься. Готовься, Стратуин - второй курс Академии попаданок идет к тебе в гости.

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	16
5	20
6	23
7	26
8	29
9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Калинин

Академия попаданок. Третий семестр

1

– Девушки-кырасавыци! Па-а-адъём! Пора-пора вставать и украшать мир sweй кира-сатой! – пробился сквозь сон гортанный голос.

– Борзян, иди на фиг! Дай поспать! – привычно промычала я сквозь сон и метнула в сторону голоса подушку.

Подушка привычно сгруппировалась в воздухе, ударилась о стену и флегматично шлепнулась на пол – ей уже не привыкать, поэтому она нейтрально относится к утренним полетам. Знаю, что это бесполезно, но какой-то выплеск у меня должен же быть?

– Я нэ этот пазорный сын пазорного шакала! – загремел голос и в мою голову ударила улетевшая подушка. – Нэ смэй мэня так называть, вредная дэвчонка!

Ого! Да это уже походило на атаку живых мертвецов, поэтому я заинтересованно отрыла левый глаз. Он обозрел картину происходящего и заставил распахнуться второй глаз. Посреди небольшой комнаты, где умещались две кровати, две прикроватные тумбочки, два шкафчика и два комода с зеркалом, краснело лицо призрака.

Да-да-да, им положено быть бледно-голубыми, но сейчас физиономия Хлипаря Зануда, очень похожая на лицо актера Фрунзика Мкртчана, алела ярким кумачом. Можно даже как флаг вывешивать, или вместо запрещающего сигнала светофора выставлять. И всё это потому, что у Хлипаря Зануда и Борзяна Задиры была давняя, прочувствованная и нежно лелеемая вражда. Ну, а я, назвав нашего нового будильника вражеским именем, только сковырнула корку со старой раны и явно вызвала кучу неприязни к собственной персоне.

Ну и ладно. Запомним его слабое место и при случае обязательно на нем поиграем. У всех мужчин есть слабое место, нужно просто найти его, а в драке ещё и правильно попасть.

– Агапа, просыпайся! Наша лафа закончилось, – перекинула я подушку на соседнюю кровать. – Этот призрак переходит к действиям.

– Что? Уже? А ведь каникулы только начались, – простонало из-под одеяла, а после оттуда вынырнула взъерошенная голова. – Хлипарь? Тепер ты будеш нас будить?

– Ага, я, – кивнул призрак. – А нэ будите вставать – зарэжу.

Он всегда так говорил. "Нэ будите эсть пахлаву – зарэжу!", "Нэ будите умыватся – зарэжу!", "Нэ будите спать – зарэжу". Говорил, но не резал. Он вообще был миролюбивым... пока не видел и не слышал Борзяна.

Второй курс должен был начаться с праздничного завтрака. Конечно, сегодня же мы увидим первокурсниц. Плюшки-ватрушки, а ведь всего год назад я очнулась у ворот Академии и очунулась в эту полную событий жизнь.

Меня воровали, меня пытались унижить, даже пытались опоить зельем Правды и вообще – нарисовать на волшебном холсте, но я через всё прошла с гордо поднятой головой и нахально выставленной грудью. Тепер же пришла очередь первокурсниц так ходить и испытывать то же самое.

Мы с Агапой прихорошились, надели пурпурные мантии – отличительный знак второго курса, и направились в сторону обеденного зала. Мы вышли пораньше, чтобы успеть занять места и посмотреть традиционное представление. Перед нами должны появиться перепуганные первокурсницы.

Я помню, как нас тогда подняла к потолку платформа..., было страшно, но получилось справиться с собой. Не за тем нас похищали, чтобы расплющить о потолок, а вот новеньким девушкам это только предстоит выяснить.

Я оглянулась на преподавательский стол – там не хватало Симпатира, Крысиуса и Чистары. Зато там восседал ректор Фендюлятор Угрюмонский и два новых преподавателя – похожий на гиену-переростка Дровень Гнилозуб и огромная троллиха Дробинда Молотон. Оба преподавателя оказались нанятыми в Академию по настоятельной рекомендации Фендюлятора, что автоматом заставляло причислить их к числу предполагаемых врагов.

Мда, второй курс явно обещает быть похуже первого, хотя и первый был не сахар. Вон, поодаль уселась моя давняя соперница Джулия Ангри, девица скверного характера, выскочка и карьеристка. Возле неё постоянно ошиваются две скандинавки, которые могут запросто согнуть в бараний рог прут арматуры, но по интеллекту недалеко ушли от того же самого прута. Приходится постоянно быть настороже, чтобы от этой троицы не получить очередную пакость.

С другими девчонками я более-менее в нормальных отношениях, поэтому приветливо моргнула каждой, как бы намекая – сейчас посмотрим на нас, какими мы были год назад.

– Студентки, не скажу, что рад видеть вас всех в добром здравии и хорошем настроении, но что поделать, приходится вас терпеть вплоть до выпуска, – такими словами начал свою приветственную речь вставший Фендюлятор.

Студентки молчали, только Джулия вскочила и захлопала что есть силы, как будто открыла дверь шкафа, а оттуда вылетела стая моли. Её подруги Юханна и Кристина поддерживали жидкими аплодисментами. Больше никто не дернулся.

– Прежде, чем мы увидим новых студенток, я хотел бы познакомить вас с Дровнем Гнилозубом, который будет замещать герцога Крысиуса Грыза и обучать вас борьбе с темными силами, – при словах Фендюлятора гиена-переросток встала на задние лапы и кивнула мордой. То есть новый преподаватель поздоровался с нами. – А вторым преподавателем у нас будет Дробинда Молотон, она вместо Чистары Метловиры ознакомит вас с принципами домашнего быта.

Усеянное бородавками лицо троллихи безучастно парило над тарелкой. Она даже ресничкой не пошевелила, чтобы изобразить заинтересованность в происходящем. Крупная, зеленоватая, похожая на сложенный из замшелых камней холм, Дробинда бесстрастно смотрела на студенток.

Третьи и четвертые курсы молчали. Видимо, у них было выдержки побольше, а я не смогла удержаться от шепота:

– Агапа, какие же они страшные. Чистара и Крысиус были на порядок симпатичнее.

– Что ты там шепчешь, девчонка?! – ладонь Фендюлятора ударила по столешнице с такой силой, что светящиеся шары под потолком испуганно шарахнулись в сторону.

Он никогда не отличался особенной любовью ко мне, а после того, как я посмела выступить против него и заступиться за герцога, и вовсе воспылал яростной ненавистью. Но почему-то не отчислял... И это было странно.

– Я говорю, что мы находимся в недоумении – куда подевался герцог и миледи? – ответила я как можно более миролюбиво.

Даже улыбнулась своей самой сладкой улыбкой – обожаю троллить вредных и неприятных людей, а уж когда они закипают и начинают булькать...

– Их участь сейчас решает Магический ковен. Они содержатся в комфортных условиях в подвале Академии, под надзором грустников. Так что дальнейшая судьба этих предателей тебя не должна волновать! – с нажимом проговорил Фендюлятор.

– Они не предатели! – вырвалось у меня. – Похотун специально всё так устроил!

– Похоже, сто этой девочкой завладели темные силы, – просюсюкал Дровень, с хрустом разминая пальцы. – Ницего-ницего, я смогу изгнать эти силы из девочки. Я и не из таких изгонял злых духов и противные запахи.

При всём этом сюсюкании я услышала явную угрозу. У меня пару раз дернулись желваки, но я смогла сдержаться. Не стоит пока что лезть на рожон. Пока не стоит...

– Вот и хорошо, – скривился Фендюлятор. – Когда все разногласия разрешены, мы сможем приветствовать наших первокурсниц. Всё внимание на подъемник!

Я не сразу повернулась и успела заметить, как за спиной Фендюлятора показались два призрака. Хлипач держался в стороне от Борзяна и явно сдерживался, чтобы не кинуться в драку. Борзян же дрожал, но храбрился, показывая себя самым независимым и смелым из всех присутствующих призраков.

В том месте, где должна была возникнуть платформа, раздалась женские голоса и лай таксы по кличке Титан. Терпеливый баритон Глазуна пытался успокоить новоприбывших, когда раздался шум поднимающейся платформы.

Четыре-три-два-один...

Сначала одна, а потом тридцать глоток визгом приветствовало начало обучения в Академии. Ещё бы им не завизжать. Да любая тут завизжит, когда пол стремится встретиться с потолком, а рядом стоит невозмутимый мужчина и уговаривает сохранять спокойствие.

Из пола показалась довольная физиономия Глазуна Доносовича, а следом макушки присевших женщин. Брошенки-блондинки, вдовы-брюнетки, разведенки-шатенки... Всех их объединяла одна общая черта – на момент рекрутства в Академию они были одиночками.

Испуганные девушки и женщины поднимались сквозь пол с первого этажа и видели нас, сидящих за столами и наблюдающими в ответ. Это была своего рода традиция, обряд крещения. И мой курс год назад проходил то же самое.

Глаза...

У них у всех были глазищи как у героев японского аниме, такие же огромные и удивленные. Ну что же, это не первое чудо, которое им предстоит увидеть в этой Академии. Тут прохождение через потолок считается самым маленьким из чудес. Ух, как мои сокурсницы тогда визжали... Да что там скрывать – я тогда решила не отставать от других.

Вот только мой проход через потолок закончился усаживанием за свободный стол и знакомством с преподавательским составом, а вовсе не тем, что произошло дальше.

Стоило только Фендюлятору открыть рот, чтобы поприветствовать новеньких в своей брезгливо-ворчливой манере, как тут же грянул гром. Все присутствующие вздрогнули, а новенькие опять начали визжать.

Ну, новенькие они... Ну, нравится им визжать, что тут поделывать...

А вот как раз повод для визга был и у второго курса, и у третьего, и у четвертого – посреди зала возник столб густого дыма и из него, как из маньяк из кустов ночного парка выступил черный маг Похотун. Обаятельный блондин в безупречно чистой мантии и со сверкающими злобой глазами.

Он кинул беглый взгляд на присутствующих, оскалился злорадной улыбкой и взмахнул платком. Непроглядный дым, как от горящих покрышек, послушным псом бросился на новоприбывших.

– Ищите подруг в Друмирии. А тебя, – черный маг показал на меня, – ещё ждут сюрпризы, дорогая моя.

И Похотун легким прыжком скрылся в облаке дыма.

– Шандарухс!!! – атакующее заклинание бросила не только я, но и некоторые мои сокурсницы.

Остальные курсы метнули что-то посерьезнее, позлее. Заклинания огненными шарами разных размеров и цветов пронзили то место, где стоял Похотун, но всего лишь разорвали дым в клочья... Сам маг успел испариться. За ним захлопнулся синий портал перемещения.

В портал втянулся и остальной дым, словно нашкодивший джин прятался в свою лампу. Втянулся и... и оказалось, что ряды новоприбывших поредели. Да ещё как – вместо тридцати студенток на площадке находилось всего около двух десятков.

Ого, да Похотун начал воровать студенток не поодиночке, а пачками? Прогресс налицо.

Но почему молчали преподаватели, которые могли сообща раскатать Похотуна по полу мелким слоем? Я кинула на них недоуменный взгляд, и он наткнулся на не менее удивленные – у всех преподавателей во рту виднелись кляпы, от которых они старались избавиться. Плюшки-ватрушки, да сейчас они походили на группу БДСМщиков на выгуле или же на заложников в обворованном банке.

– Встрэчу – зарэжу! – прозвучал в тишине голос призрака Хлипаря, который с мрачным видом пощипывал кончик огромного носа.

2

Первый шок прошел быстро, также быстро кляпы шлепнулись на пол. Возмущенные голоса раздалась со стороны преподавательского стола. И это возмущение было направлено не на исчезнувшего Похотуна, а на хмурого Фендюлятора.

– Зачем вы накинули на нас заклинание Безмолвия? Это что – помощь Похотуну? – сурово спросила Ежина Колючкаускас.

Её тонкие брови подрагивали, а острые ушки покраснели и приняли вид острых листьев пуансеттии.

– Что это было, Фендюлятор? Надеюсь, у вас найдется объяснение такому поведению? – приподнялась Глистана.

– Да-да, объясните, почему вы заткнули нам рты? – отчеканил Болтуняго Скороговор.

– И я не смогла метнуть в Похотуна атакующее заклинание, – пожаловалась Арифметина.

Фендюлятор поднялся. Угрюмый, сдвинувший брови и метаящий глазами молнии. Он выдержал театральную паузу и начал говорить:

– Коллеги, если бы я вам не закрыл рты, то вы обязательно начали атаковать Похотуна...

– Да! Ему нельзя было отдавать девушек!

– Конечно атаковать! Чтобы он забыл сюда дорогу.

– Тише-тише, – поднял Фендюлятор ладонь, она по размерам мало уступала снежной лопате, поэтому такой знак привлечения внимания трудно было не заметить. – Я в первую очередь беспокоился о судьбе девушек-первокурсниц. С нашего места можно было как раз попасть в них, а смертей нам в Академии только не хватало... Нет, вы видели, что студентки выпалили в мага боевыми заклинаниями, а они прошли дым насквозь. И это у них ещё не смертельные заклинания. А если бы вы попали в дым...

– Но Похотун же сбежал, – неуверенно начала Арифметина. – А его можно было остановить.

– Он снова вернется. Или мы его найдем. Какое место он назвал? Друмирию? Вот туда мы и отправим грустников. Пусть его отыщут, а заодно и наших первокурсниц вернут, – кивнул своим мыслям Фендюлятор.

– Кхм, а что здесь, собственно, происходит? – раздался строгий голос со стороны первокурсниц.

Я тоже бы хотела это узнать – почему такое произошло и почему преподавателям заткнули рты. Оправдания Фендюлятора меня не убедили... Да и вряд ли кого они могли убедить. Слишком уж всё притянута за уши. Скорее, тут идет такое наглое покровительство своего... напарника? Или это неизвестная Хозяйка дала такое задание?

– Проходите, садитесь. Вы будете обучаться в Академии попаданок, в том самом месте, где короли Стратуина обретают жен. Обычно выпускница точно становится королевой одного из королевств, но случаются и исключения – в прошлом году такой чести удостоились две девушки. Причем одна из них с первого курса. Так что обучайтесь лучше, не хамите и не показывайте свою вредную натуру и тогда у вас всё будет хорошо, – с важным видом проговорил Фендюлятор.

Плюшки-ватрушки, и ведь сказал это таким тоном, будто замужество нашей подруги Маньяры было его рук делом! А ведь это она сама нашла на свою... То есть нашла на свой палец кольцо от короля цвергов. И я по ней скучаю, честное слово.

– Но как же Похотун... – начала было Арифметина, но была остановлена взмахом ладони.

– Об этом можете не беспокоиться. Грустники будут направлены в Друмирию, они обязательно отыщут и девушек и Похотуна. Сейчас же не будем такой мелочью портить первый день наших первокурсниц, – отрезал Фендюлятор.

Я долго сдерживалась, я... я цеплялась пальцами за край стола... я сжимала зубы что есть сил, но последние слова были той самой соломинкой, которая сломала спину перегруженному верблюду. Я не помнила, как заорала матом, как вскочила на ноги и как запустила в его физиономию пустым кубком. Помнила только его удивленные глаза.

Помнила, как повернула Драконью слезу в кармане и подскочила к этому мерзкому ректору. Помнила, как ударила его стулом, пару раз пнула по каменному заду и заехала в ухо. Потом помнила, как с моих глаз спала пелена и я вернулась на своё место. Меня трясло, когда я повернула Драконью слезу обратно. Трясло так, как будто схватилась руками за два конца оголенного провода, а по нему пустили ток...

Помнила, что Фендюлятор вскрикнул и перелетел через преподавательский стол, зацепив по дороге красную скатерть. Щепки от разбитого стула взлетели в воздух и дождем застучали по пополу. Мои удары не прошли даром. Меня ещё не до конца отпустило и когда он, ревя, как раненный медведь, начал подниматься, я хотела ещё запустить и тарелкой, но в этот момент в меня полетело заклинание.

– Столбнякиус! – вскрикнула Джулия и я застыла в виде статуи с прозаическим названием «Дискобол».

Мерзкое ощущение, скажу я вам. Почти что паралич, тело не двигается и только веками могу выщелкивать азбуку Морзе. Рядом ахнула Агапа, но что она может сделать, если на меня уже нацелен платок Фендюлятора? Поднять восстание не в её слабых силах, но вилку она спрятала в рукав – даже парализованная я смогла увидеть это «незаметное» действие.

– Ты... Ты... Ты надоела со своим камнем! – наконец смог подобрать нематерное слово Фендюлятор. – А ну давай его сюда.

– Она не может, сэр! Она мной обездвижена, сэр! – бодро отрапортовала Джулия. – Позвольте, я сама вытащу этот камень?

Мой камень? Мою Драконью слезу? А ведь он мне нужен для зелья Чудесного Воспоминания, чтобы привести в чувство Симпатира! Я не хочу его отдавать!

Рвануться! Вырваться из плена заклинания! Накостылять всем этим противным рожам, надавать им по щам и отобрать ключи от подвала, где томятся герцог с миледи. Вернуть память Симпатиру, прогнать прочь всех этих злыдней...

Только слезы из глаз. Только безуспешное хлопанье глаз, а рука Джулии уже лезет в карман моей мантии.

Какая же она мерзкая. Как же я сейчас её ненавижу! Вцепилась бы в волосы и показала, как дрались у нас в коммуналках, когда заставляли соседей за воровством пельменей из кипящей кастрюли... Ух, я бы ей... Но остается только наблюдать и чувствовать, как рука гнилой сокурницы скользит по моему боку.

– Вот он! – Джулия довольно подняла мешочек с Драконьей слезой.

Ссссс... сволочь!

Агапа дернулась к мешочку, но Кристина и Юханна уже схватили её за руки. Первокурсницы смотрели на всё широко открытыми глазами, но мне было не до них. Меня едва не разрывало на куски от несправедливости и бешенства.

Да как они могут?

Да куда смотрят преподаватели?

Да сколько это будет продолжаться?

Люди, столы, скамейки, цветные витражи – всё расплывалось перед глазами, когда на них выступили жгучие слезы. Я ожидала подлости от Джулии, но не такой.

– Так-так-так, – Фендюлятор подошел и взял из руки сокурницы мой мешочек. – Прелестно-прелестно. Не вращай так глазами, я тоже знаю, что Драконья слеза не будет служить тому, кто взял её силой. Мне и не надо, главное, что ты останешься без козырей и не сможешь ничем отличаться от остальных.

– А можно её тоже посадить вместе с герцогом? Она же напала на ректора, – вкрадчивым голосом произнесла Джулия.

– Да что же вы делаете? У девочки просто не выдержали нервы! – вступилась за меня Арифметина, но Дровень надавил на её плечо волосатой рукой, и она, ойкнув, тут же замолчала.

– Ректор сам в силах разобраться со скодливой девчонкой, – улыбнулся Дровень.

Какая же у него была противная улыбка... Если бы могла, то и ему бы заехала кубком по мордасам.

Руки и ноги не двигались. Всё кругом расплывалось. Студентки молчали. Давно я не чувствовала себя такой беспомощной, с тех самых пор, как старшекласники в школе отобрали шапку и забросили её на растущую неподалеку от входа липу. Я тогда прыгала, кидала в шапку снежки, но даже не добрасывала... Тогда я тоже плакала, как сейчас.

Это несправедливо!

Это всё неправильно!

– Да, Дровень Гнилозуб верно говорит! Я могу сам назначить наказание этой вредной девчонке! И я наказываю – верни студенток, украденных Похотуном, и я тогда разрешу тебе перейти в четвертый семестр. А если не вернешь, то можешь не возвращаться! Такое будет тебе задание. И это я ещё мягко поступил. Хочешь что-то сказать? Нет? Ну и ладно. Девочки, отпустите её подругу, пусть они отправляются вместе, – последнюю фразу Фендюлятор произнес, обращаясь к подпевалам Джулии.

Агапа тут же подбежала ко мне, обняла за шею, а я только смотрела на ректора, на его противную, заросшую жестким волосом рожу и чувствовала, что ненавижу его. Ненавижу до самых кончиков ногтей на пальцах ног.

Убила бы... Впервые в своей жизни я кого-то захотела убить, а это уже что-то. Я даже перед мухами извиняюсь, прежде чем их прихлопнуть, а тут...

Нет, не убила бы, кишка всё-таки тонковата, но напинала бы от души.

– Вот и хорошо, тогда отправляйтесь сейчас же, а курировать вас будет... – Фендюлятор на миг замялся. – А курировать вас будет фрейлина Арифметина. Не подведите её, ведь от ваших усилий зависит – хорошо ли она вас учила, или только питалась дармовыми харчами.

– То есть как? – опешила фрейлина.

– А вот так! На этой парочке и проверим ваши профессиональные навыки. Либо вы помогаете им вернуться с первокурсницами, либо остаетесь жить с ними в Друмирии. На этом у меня почти всё, давайте отправим девчонок в короткое путешествие и наконец-то поедим, – сказал Фендюлятор.

Со стороны студенток и преподавателей всё-таки послышалась волна ропота, но она тут же стихла, когда ректор грозно зыркнул на них. Синий обруч портала возник всего в двух шагах от меня, но пройти их я не могла, как ни старалась. Да и вряд ли я туда стремилась...

– Не переживай, Маринка, я спер у них камень, – раздался тихий шепот невидимого сусягуха. – Мы ещё покажем этим баранам – кто здесь пастух.

Я ощутила, как по моей мантии скользнула холодная ручка фамильяра. Ух, вот в этот момент я готова была расцеловать этого пройдоху. Вот только обрести бы подвижность...

– Девочки, помогите Агапе донести Марину до портала, – приказал Фендюлятор и пошел к преподавательскому столу.

Юханна и Кристина тут же подхватили меня подмышки и потащили к синему обручу. Я хотела сказать, что они засранки несправедливые, замухрышки облезлые и тупорылые дуболомки, но они не понимали азбуку Морзе. Меня подтащили к обручу и, как веселые ребята своего друга возле речки, раскачали меня на «раз-два-три» и метнули в яркую синеву.

– А мы приступим к завтраку, – послышался вслед голос Фендюлятора.

3

Мда, как началось утро не очень хорошо, так оно и продолжилось. Мало того, что выспаться не дали, так ещё и зашвырнули неведомо куда.

Короткий синий блеск в глазах и вот уже обеденная зала с расписными стенами и потолком сменилась диким лесом.

Почему он дикий? Да потому что заяц, сидевший на пеньке неподалеку от того места, где мы с Агапой шлепнулись на траву, не прыгнул испуганно прочь, а спокойно продолжил наблюдать за непрошенными гостями.

У нас в Ярославской области по данным было порядка двадцати пяти тысяч зайцев. Охотники с радостью гоняли косых, поэтому они остерегались даже малейшего шума и смывались при малейшем непонятном шуме, а этот сидел на пеньке и только самокрутку не смолил в пасти.

– Где мы, Марина? – спросила Агапа, оглядываясь по сторонам.

У меня едва не вырвался ответ в рифму, но я сдержалась – всё-таки нервный выплеск не стоит делать на подруг и друзей. А в самом деле – где мы?

Высоченные сосны бросали тень на худосочные березки, темно-синие ели скрывали под своими широкими лапами муравьиные царства. Трава не то, что высокая, но редкая и тонкая, как будто тут прошлась сумасшедшая огородница, которая задалась целью повыдергать все растения, кроме мятлика и пырея. Поваленные стволы деревьев успели обрасти мхом до такой степени, что сейчас напоминали тела загорающих крокодилов.

– В лесу, Агапушка, в лесу, – ответила я. – И нам неплохо бы из него выбраться.

О как! Я могу разговаривать!

А двигаться?

Попытки увенчались успехом, все суставы работали как надо. Видимо, при перемещении заклинание паралича спало и теперь я могу снова прыгать и скакать. Вот только скакать не очень хочется...

– С прибытием! – раздался голос и из пустоты возник сусягух.

Вот только что его не было и пфук! – он появился. Именно с таким звуком – пфук!

Я думала, что у зайца железобетонная смелость, но при появлении сусягуха он повторил звук и припустил со световой скоростью прочь. Только мятлики и прошлогодняя листва взметнулись вверх.

– Ага, прибытие прошло успешно, – проворчала я, осматривая себя. – Во время пути никаких эксцессов не произошло, персонал и пассажиры чувствуют себя хорошо.

– Чего? – удивился сусягух.

– Не обращай внимания, это мне на ум цитата из какого-то фильма пришла.

– Ну, как я – лихо камень стянул? – подмигнул мне сусягух.

– Да, это ты молодец. Прямо как будто договорился с Фендюлятором, что он будет смотреть в другую сторону, а ты слямзишь Драконью слезу, – поморщилась я.

Сусягух театрально вздохнул и скорчил мину оскорбленной невинности:

– За что ты меня так? Я же за ради общего дела стараюсь, а ты...

Вот же какой, теперь и на чувство вины нажимает. Манипулятор этакий. Даже Агапа повелась у него на поводу:

– В самом деле, Марина, чего ты к нему придираешься? Он же хотел как лучше...

Даже по голове погладила. Сусягух сначала удивленно на неё посмотрел, отпрянул, а потом и сам подставил голову. Я только хмыкнула.

– Ой, застыдили. Ладно, это нервное. Извини, дорогой фамилляр, ты и в самом деле молодец. А сейчас расскажи нам, куда мы попали и где наши вещи?

Агапа погладила сусягуха ещё пару раз, тот или муркнул, или простонал, а после вырвался из-под ласк и отлетел на пенек, где недавно восседал смелый заяц. Он уселся на ровный срез и закинул ногу на ногу. Ему ещё пенсне не хватало, чтобы окончательно принять профессорский вид. Тело и голова суслика, а руки и ноги лягушечьи – офигительный бы вышел профессор.

– Вы находитесь в государстве Друмирия. Самое обычное государство Стратуина. Люди в основном хорошие, но добро тут имеет свои понятия. Студенток Академии привечают очень хорошо – тут же мешок на голову и на невольничий рынок. Не делайте такие удивленные глаза, вам уже говорили, что считается престижным иметь в рабынях кандидатку на престол. Поэтому вам вряд ли нужно щеголять в своих пурпурных мантиях, а необходимо как можно быстрее переодеться.

Я почесала то, что осталось от утренней прически. Рациональное зерно в словах сусягуха имелось, так что пора было использовать те крохи знаний, которые нам преподавались на уроках в Академии.

– Агапа, как правильно произносится то заклинание изменения одежды – Фасониус Модерартусиус или Фасониус Модератус?

– Фасониус Модератус. Надо было слушать внимательнее.

– Меня как раз послали намочить тряпку, так что я прослушала.

– Но, ты же не мочила.

– Ну да, но погулять во время урока никому не помешает. Заодно и голову освежала.

Я вытащила платок и уже хотела направить на себя, когда Агапа взвизгнула:

– Ай! Ты что собралась делать?

Визга я не ожидала и поэтому вздрогнула. Вздрогнул и сусягух, причем так успешно, что навернулся с пенька.

– Как что? Я собралась изменить свою одежду.

– На себе?

Вот ненавижу чувствовать себя круглой душой, но похоже, что сейчас именно это мне и предстоит.

– Да, на себе. Что тут такого?

Ещё ненавижу, когда на меня смотрят, как на круглую дуру. Ненавижу с тех пор, как ко мне зашел недавно переехавший в наш район Ярославля профессор математики Жевунов. Этот интеллигентного вида тип был страшной занудой и обожал всех поправлять. Я слышала о нем от сменщицы, но мне он как-то не попадался. А когда попался, да ещё обсчитался со сдачей, а я посмела его поправить...

Он мне полчаса доказывал, что не права я, не прав калькулятор, не права вся система образования. А меня зацепило, и я настаивала на своём. Плюшки-ватрушки, видели бы вы, каким взглядом профессор математики, светило и гений, смотрел на простую продавщицу хлеба, которая посмела указать ему на то, что он обсчитался. В конце концов, он всё-таки отдал недостающие три рубля и ушел, даже не извинившись. А у меня на душе не было радости, а была печаль, как у человека, который победил, но ему эта победа и на фиг не нужна.

И вот сейчас взгляд Агапы немного напоминал мне Жевунова. Она хмыкнула и начала стягивать с себя мантию:

– Нельзя заниматься трансформацией одежды, пока она на тебе. Иначе заклинание примет твою кожу как элемент платья, и ты рискуешь остаться без кожного покрова...

Сказала она это таким нравоучительным тоном, что я не могла удержаться от сарказма, пока снимала свою мантию:

– Это твои слова или Ежины?

– Ежины, конечно... Но мне не хочется проверять их правдивость, – ответила Агапа.

Я тоже не хотела проверять слова преподавателя. Если сказала, то не просто так, не с целью запугать, а только предупредить. В тот день меня действительно отправили мочить тряпку – наказание такое в Академии. Вроде как мочишь тряпку и попадаешь на глаза призраку Академии Отражалке, а уже та подсчитывает разы и «отчисляет» провинившуюся студентку. Вот только мне помог удержаться Глазун Доносovich, когда наложил заклинание, которое мочило тряпку без захода в туалет. Зато мне это не мешало погулять по коридорам, пока остальные корпели в кабинете.

– А вам очень идет нижнее белье, – сказал облокотившийся на пенек сусягух. – Кружавчики разные, бретельки.

По всей видимости, он не собирался садиться обратно, чтобы не упасть в очередной раз.

– Глазки не сломай, – ответила я. – И язык не проглоти вместе со слюнками.

– Я-то не сломаю, но если ваше белье увидят местные мужики, то примут либо за нищенка, которые носят рваные лохмотья, либо за ведьм, которым трусики прядут пауки. Вам бы и их изменить...

Нам белье выдавалось несколько комплектов в месяц, и мы могли заказывать различные марки из нашего мира, поэтому комплектом от Виктории Сикрет никого нельзя было удивить. Хотя, сейчас до меня стало доходить – каким образом Ежина Колочкаускас доставала нам такие женские изыски. Она просто трансформировала обычное белье по нашим запросам. Мы приходили, находили в журналах из нашего мира понравившиеся комплекты, а на утро получали тонкие кружева или прочные стринги. Всё так просто...

Если бы я могла делать это дома...

Но сейчас мы не дома, а в диком лесу. К тому же местные комары справились со своим удивлением от нашего появления и устремились потоптаться по обнаженным участкам тела. Я уже прихлопнула пару кровососов, но на место убитого тут же прилетал десяток новых.

– А он прав, Агапа. Скажи, какое белье тут носят местные модницы? Только не выдумывай ничего сверхъестественного, а то можешь получить, – погрозила я кулаком ухмыляющемуся сусягуху.

– Эх, а ведь мог спокойно спать себе где-нибудь на теплом песочке у моря... И чего Мартильда меня к тебе привязала? – задал сусягух риторический вопрос, потом подождал ответа и, не дождавшись, сказал: – В общем, тут большинство ходит без белья, но если вы без этого не можете, то сделайте себе повязки. Две полосы ткани, вот и всё, что в нашем мире похож на аналог вашего белья.

– Просто две полоски? – спросила Агапа.

– Да. Именно две – такие себе делали бегуньи, и, хотя вы мало похожи на бегуний, все равно носить вам это не возбраняется.

– Отвернись, – потребовала я, когда начала расстегивать бюстгальтер.

– Да больно надо, – фыркнул сусягух, но всё-таки отвернулся.

Видимо, жизнь ему дороже зрелища. Мы быстренько разложили на траве белье и, взмахнув платками и произнеся заклинание, превратили их в полосы ткани шириной с ладонь. Надеюсь, что вам не нужно описывать, как натягивают дикое подобие бюстгальтера на грудь и как делают повязку «а-ля сумоист»?

– Эй, друг, а какие одежды сейчас носят ваши модницы? – спросила Агапа у сусягуха.

Тот повернулся несколько обескураженный:

– Друг... Давно меня так не называли... Если не знаешь, как ко мне обращаться, то называй Бордуном. Это имя я ещё помню. И да, наши модницы не путешествуют одни, так ходят только крестьянки, либо небогатые горожанки. Однотонные платья из льна или конопли, передник с карманом для мелочей, белый чепец с батистовым платком и грубоватые башмаки. Вот и всё обмундирование.

Я покопалась в голове на предмет моды средневековья и снова взмахнула платком с криком:

– Фасониус Модератус!

. Пурпурная мантия на траве потемнела, потом и вовсе приобрела темно-синий цвет, как будто затянутое тучами небо перед наступлением ночи. От рукавов оторвались несколько полосок ткани и преобразились в чепец, платок и передник. Для пущей достоверности я сделала их пожелтевшими от времени. Вряд ли тут стирали «Пемолюксом». Удобные туфли скужились и покрылись морщинами, превратившись в башмаки.

У Агапы получилось сделать более изящное платье темно-красного цвета. Ну и ладно, зато у меня теплее.

Мы быстренько оделись и осмотрели друг друга – парад исторических личностей в составе двух девушек был готов к праздничному выходу.

– Вот и молодцы. Быстро справились, – похвалил нас сусягух, но тут же добавил. – Хотя, недостаточно быстро, так как парень в кустах сидел со времени снятия вами мантий...

Он не успел договорить, как я метнула в заросли березняка заклинание:

– Столбнякиус!

Из кустов послышался мужской вскрик.

4

Когда я вытащила из кустов молодого человека, то он вращал и хлопал глазами с такой скоростью, что мне показалось, будто у него началась эпилепсия. Понятное дело, испугался мальчишка. Хотя, мы не такие уж и страшные, а можно даже сказать симпатичные. Или нет? Конечно же красивые! Иначе и быть не может! Я списала все на испуг от паралича.

Ну да, мало кому понравится, когда руки и ноги превращаются в деревяшки. Мне вот недавно не понравилось...

Чумазый парень походил на актера Александра Петрова, такой же скуластый и голубоглазый, вот только спутанные соломенные волосы доставали до плеч и явно были обрезаны ножом, а не ножницами стилиста. На теле худощавого и жилистого незнакомца трепетали непонятного цвета лохмотья, одна нога согнута в колене и подвязана так, что со стороны могло показаться, будто он одноногий инвалид.

– Сдается мне, что мы встретили одного из тех добропочтенных жителей Друмирии, который хочет вкусно есть и мягко спать, но при этом не прикладывать никаких усилий. Аферист, одним словом, – констатировал сусягух.

– У нас тоже такие попадались, в основном у церквей. Просили там милостыньку, а после на иномарках домой уезжали, – хмыкнула я. – Эй, дружок, насмотрелся на бесплатный стриптиз? Или ещё нет? Чего глазами хлопаешь?

– Марин, он же под заклинанием, – напомнила Агапа.

– Да всё равно. Глазами хлопать может, так и поболтаем, – я сдвинула брови, вспомнила всех киношных бандитов и выдала с хрипотцой Высоцкого. – В общем, слушай сюда, сявка беспонтовая, я говорю, а ты отвечаешь. Один раз глазами хлопаешь – это будет "да". Два раза – "нет". И старайся моргать отчетливо, с чувством, с толком, с расстановкой. Пока есть, чем моргать... Всё понял, шибздик фраернутый?

Парень тут же моргнул один раз.

– Ух, Марин, ты прямо как Пушок заговорила, – заметила Агапа.

Ну да, как же тут не заговорить – на лицо криминальный элемент, а они другой разговор редко понимают. Ох, послушали бы вы, как разговаривают полицейские, когда выходят из отделения, которое расслаблено расположилось неподалеку от нашего дома. Вот тут я бы категорически посоветовала мамашам купить беруши для детей, поскольку те могут передать в саду, а там эти «блатные» словечки расползутся по умам детишек и будут вызывать инфаркты у бабушек и дедушек.

– А ты чего молчал? – напустилась я на сусягуху. – Он же все наши разговоры слышал. Мог бы и предупредить о посторонних ушах.

– Ну, я... – замялся сусягух, а после обозлился. – Я вам не нянька! И вообще, чем быстрее привыкнете в этом мире оглядываться по сторонам, тем у вас меньше шансов оказаться в рабнях. Вот!

После эпического «Вот!» сусягух топнул ногой по пеньку и исчез.

Обиделся...

Ну а чего он? Видел этого шустрика с подвязанной ногой и ничего нам не сказал. Я не то, чтобы стыдилась своего тела, к тому же оно у меня помолодело с начала занятий в Академии на пятнадцать лет, но досада точила меня сильнее бешеных комаров. Так же бывает, когда ваш друг видит, как вам на кресло подкладывают острую кнопку, но не говорит, а после смеется вместе с «шутником». Это своего рода маленькое предательство, которое почему-то запоминается сильнее, чем доброе дело.

– Марин, ну чего ты в самом деле? – спросила Агапа.

– Агапа, ой всё. Он видел и ничего не сказал. Это сегодня. А что будет завтра? Пока не прощу его, пусть на глаза не попадается, – нахмурилась я.

– Это чего мне – всё время в невидимках лазить? – спросил воздух голосом сусягуха.

– Ты ещё здесь? А ну брысь отсюда! – я кинула шишку в то место, откуда слышался голос и, судя по недовольному шипению, попала.

Ну и фиг с ним. Вот успокоюсь и прощу. Я отходчивая. А пока не отошла окончательно, надо провести допрос. Я повернулась к парню, который так и не смог сдвинуться с места, но, глядя в его глаза, можно сказать, что дико об этом мечтал.

– Итак, вернемся к нашим баранам. Ты уже понял, что мы студентки Академии попаданок?

Одно моргание глаз.

Что же с ним делать? Заклинание со временем пройдет, а он вряд ли будет молчать. Скорее всего, он расскажет в первой же забегаловке и тогда на нас начнется охота. Похоже, что придется взять его с собой и пообещать неплохое вознаграждение за помощь. Ну да, это идея.

Уж чего-чего, а обещать-то я умею, недаром в молодости с подружкой мотались по клубам, но никогда не платили за коктейли. А что? Мы никогда с Ирккой не навязывались, молодые люди сами жаждали нас угостить, а мы только могли обещать потом съездить «послушать музыку». В один прекрасный миг мы отходили попудрить носик и делали ноги от своих кавалеров. И так продолжалось до тех пор, пока слава о нас, как о паре «динамо» не пролетела по всем клубам Ярославля.

– Отлично. И нам в новом мире нужен провожатый. Так как наш слинял и не скоро появится...

Снова раздалось шипение около пенька.

– Да-да, не скоро появится, а будет шипеть – и вовсе пропадет. Так вот, нам нужен провожатый в этом государстве. Ты же местный?

Два моргания. Какие-то они быстрые, неубедительные.

– Будешь врать – накажу. Спрошу ещё раз – ты местный?

Одно моргание, с явной неохотой.

– Хорошо, ты поможешь нам в одном деле, а мы взамен вознаградим тебя по-королевски. Каков будет твой положительный ответ.

Как и ожидалось – одно моргание. Ну вот и хорошо.

– Агапа, отойди в сторону, а то я сейчас сниму с него парализующее заклинание. Чего ты смотришь? Вдруг он непривитый? Укусит ненароком, после него ещё уколы делать придется. Тебе же не делали прививок? – последний вопрос адресовался парню.

Он моргнул один раз. Потом два. Потом заморгал так часто, словно ему в лицо бросили горсть песка.

– Похоже, что он ничего не знает про прививки, – сказала Агапа, но всё-таки в сторону отошла.

Это правильно. Кто его знает – нового человека из иного мира? Да и в кустах он скрывался не напрасно – добрый человек сразу бы вышел и поздоровался... Хотя, я вряд ли вышла, если вдруг в лесу обнаружила бы двух голых мужиков...

Я взмахнула платком:

– Инанис!

Молодой человек перестал изображать фигуру из игры «Море волнуется раз...» и упал ничком. Тут же его лохматая голова оторвалась от прошлогодней листвы и иголок, он дико огляделся по сторонам и сделал тоже самое, что недавно сделал заяц – дал стрекача. Прямо с самого низкого старта так сиганул, что только шишки в воздух взметнулись.

Агапа только рот открыла и едва успела отшатнуться, как этот вихрь из лохмотьев, слюней и неземного очарования лосем промчался мимо.

Хм, но мимо меня так просто не пройти – я подставила ножку.

Конечно же у меня не такая длинная ножка, чтобы протянуться за парнем и сбить его стремительный бег. Я не героиня Эластика из мультика «Суперсемейка». Нет, у меня нормальные ноги, но есть маленький туз в рукаве в виде камня Драконья слеза. Вот камень-то мне в очередной раз и пригодился. Надо было видеть глаза молодого человека, когда он в падении увидел – кто ему сделал пакость. Вроде оставалась позади, а тут выросла из ниоткуда, ещё и ноги подставляет...

– Ещё раз рыпнешься – в свеклу превращу! – быстро пригрозила я, когда парень собрался ползти в неведомые дали.

– Не надо! Госпожа академичка, не надо меня в свеклу! Я больше не буду рып... роп... в общем, лежу смиренно и милостью богов заклинаю вас сжалиться и не колдовать. А я никому не скажу, что видел вас, да ещё что вы голыми задами по поляне сверкали, сотворяя свои ритуалы нечестивые, – затараторил молодой человек, за что получил шишкой в лоб.

Я тоже удивленно посмотрела на Агапу. А та потянулась за второй шишкой:

– И ничего мы не сверкали, мы одежду меняли, чтобы на местных походить. И ритуалов никаких не делали...

– Вот я тоже самое говорю, и ритуалов не делали, и голыми грудями по перегну не мели... Ай! – вторая шишка заставила парня замолчать.

Агапа с самым серьезным видом взялась за третью шишку.

– В общем, слушай сюда и постарайся забыть, что видел раньше. Иначе я за Агапу не отвечаю. Понял?

– Понял, я же не дурак. Это я просто выгляжу так, для работы нужно, – буркнул молодой человек. – Ладно, давайте награду, и я пойду.

Вот от такой наглости даже я оторопела. Нет, раньше я выпроваживала из ларька хабалистых цыганок, которые так и норовили спрятать под юбками пару багонов, а заодно пожелать счастья, здоровья и попросить позолотить ручку, но чтобы так...

– К-какую награду, ты же не сделал ничего? – проговорила я.

– Ты просила помочь в одном деле. Так? Обещала вознаграждать по-королевски, так? Потом просила забыть о том, что вы... – парень с опаской покосился на Агапу, а та кровожадно улыбнулась и подкинула шишку на ладони. – Забыть про вас. Так? Вот, я уже забыл и помог вам в этом деле. Теперь давай, награждай.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке. Уголки губ Агапы тоже потянулись к мочкам ушей.

– Вот же ты какой пройдоха...

– Откуда вы знаете моё имя? – молодой человек вскинул брови едва ли не к самым корням волос.

«К слову пришлось». Я бы так и ляпнула, но потом вовремя спохватилась – если я и в самом деле угадала, то надо было это использовать. Я присела на корточки возле парня и, как завзятая стерва с многолетним стажем, провела ему пальцем ото лба до носа. По крайней мере, мне так показалось, что я сделала это движение как стерва, Агапа же потом скажет, что глупее моего лица в тот момент она ничего не видела.

– Мы многое знаем, многое видим, но в некоторых вопросах нам требуется помощь, – промурлыкала я. – Нам нужно освободить своих... знакомых из лап одного черного мага. Вот в этом и заключается дело. Ты же будешь хорошим мальчиком и поможешь двум студенткам? А, Пройдоха?

Парень сглотнул и кивнул. Он следил за движением моего пальца и едва не окосел, когда я уперла ноготь в кончик носа.

– Вообще-то Пройдоха это прозвище, а знакомые меня называют по имени.

– Отлично. Меня зовут Марина, а ту, которая так метко бросается шишками, зовут Агапа. Мы знаем твоё имя, но можешь его ещё раз назвать, чтобы мы научились правильно его произносить.

Легкая хитрость, но она сработала.

– Агапа, Марина, – произнес Пройдоха, словно пробуя наши имена на вкус. – Странные имена. То ли дело моё – Шмур.

– Ну, Шмур так Шмур. Пойдем, Шмур Пройдоха, покажешь нам местные достопримечательности, – я протянула лежащему человеку руку.

5

Мы недолго блуждали по лесу. Разговорчивый Шмур вывел нас на опушку, где заканчивали красоваться высокие сосны и начиналось бескрайнее море полевых трав. Ромашки вытягивали белые венчики, чтобы лучше рассмотреть нашу троицу, васильки приветственно помахивали растрепанными головками, колокольчики же остались понуро наблюдать за жизнью у корней.

За полем виднелась небольшая, в двадцать дворов деревушка. Почти над каждым домиком клубился дымок и оттуда явственно несло едой. Мой желудок тихо проурчал, напоминая, что неплохо бы его чем-нибудь набить, и лучше не подножным кормом, а хорошим шматом мяса или, на худой конец, овощным салатиком.

– Это деревня Спятка. Тут могут покормить, а могут отвесить неплохих тумачков, если вы вздумаете у них украсть гуся, – Шмур задумчиво почесал поясницу.

– Судя по твоему виду, ты тут остался голодным, – подковырнула я его.

– Ну да, они почему-то не очень хорошо относятся к жалостивцам, – ответил Шмур.

– К кому?

– К жалостивцам, – с некоторой гордостью ответил Шмур. – Не понимаете? Это же те, кто должен вызывать жалость и получать за это плату. Чего непонятного? Я – жалостивец.

– В нашем мире таких называли попрошайками, – ответила я.

– А у нас их называли жабраками, – поддержала Агапа.

– Как ни назови, но суть одна, – глубокомысленно заметил Шмур, а мы не смогли ему противоречить.

Мы не успели сделать и одного шага, как позади раздался треск рвущейся материи, а в следующую минуту наш провожатый превратился в камень. Вот только что он улыбался желтоватыми зубами, а теперь взял и окаменел.

Мы с Агапой выхватили платки и повернулись на треск. Возле синего овала портала стояла суровая графиня Глистана Сухопаридзе. Стояла с таким видом, словно уже пару раз спасла мир и теперь ей снова предстояло отправиться на третье спасение. Её рука с платком была направлена на Шмура.

– Зачем? – спросили мы с Агапой одновременно.

– А я-то думала, что вы сначала скажете: «здрате», – улыбнулась графиня. – А потом ещё добавите: «рады вас видеть».

– Рады вас видеть и это... Здрате, – поправилась я. – Так зачем вы Шмура в булыжник?

– А чтобы не подслушал. Девочки, я вырвалась ненадолго. Увы, Арифметина Дробная не может появиться, чтобы дать вам первый урок. У неё... У неё неприятности с ректором. Да не беспокойтесь вы об этом мальчишке, ничего с ним не случится, он даже не вспомнит о случившемся.

Мы с Агапой с сожалением посмотрели на Шмура, он вроде бы ни в чем не виноват, а его в статую превратили. Но, если это временно, то ладно.

– А что у Арифметины с Фендюлятором случилось? – робко спросила Агапа.

– Я же говорю – неприятности... Небольшие разногласия. Надеюсь, что в следующий раз уже она будет вести у вас урок. О! Да вас к Спятке забросило? Аккуратнее в этой деревне...

– А то там могут покормить, а могут и тумачками угостить, – глубокомысленно заметила я.

Графиня кивнула и, поправив мантию, уселась прямо на траву. Мы последовали её примеру и вскоре из травы торчали только наши верхушки голов. Если не приглядываться, то нас и с комбайна не сразу увидишь.

– Всё верно, и так везде в Друмирии. Народ тут справедливый, но скорый на расправу, поэтому старайтесь не высовываться особенно. Особенно это тебя касается, Марина.

Я смущенно кашлянула, но потом снова состроила внимательную мордашку.

– Про жизнь в Друмирии вам расскажет жалостивец... Только не особо доверяйте ему, скверный он народец, так и норовят обмануть, так что все рассказы просеивайте через сито недоверия. Ладно, с этим разобрались, теперь давайте научимся работать с водой.

Графиня снова приняла вид строгой преподавательницы, у которой не забалуешь. Она вытянула вперед руку без платка и взмахнула кистью так, как это делал человек-паук в фильмах, когда стрелял своей паутиной. Увы, паутины не вылетело, даже жалкой ниточки не показалось. Она взглянула на нас и повторила движение. Результат тот же.

В третий раз она спросила:

– Вы можете повторить?

– А зачем? – задала я невинный вопрос.

Нет, если она хочет просто поприкалываться, то я пойму, но если это что-то серьезное...

– Вы читали в сказках, как Василиса Премудрая махнула рукавом и стало озеро? Махнула другой и поплыли лебеди? Вот мы как раз сейчас и выучим одно заклинание, которое позволит вам не умереть от жажды в пустыне. Итак, повторяйте движение, которое я показала.

Мы полчаса честно разучивали это движение, сидя в высокой траве. Мимо проползали муравьи, негодуяще трясая усиками на трех великанш, которые перегородили тушами дорогу к муравейнику. Стрекозы уставились фасетчатыми зыркалками, трепеща прозрачными крыльями неподалеку от нас, и вроде тоже пытались повторить движение заклинание. Басовитые шмели перелетали с цветка на цветок и перетаскивали бочкообразные тела из одной кормушки с пылью в другую.

– Это движение требует отточенности, поэтому не забывайте про мизинец и про вытянутый большой палец. Теперь, зажмите средним пальцем и безымянным платок, сделайте движение и скажите: «Инундатио!»

Графиня взмахнула платком, и из её платка вырвалась небольшая струйка воды. Напиться вряд ли можно, но вот лицо со сна можно протереть. Мы попробовали сделать также – у меня из платка вырвался небольшой плевок, у Агапы в два раза больше. Струйки пока не получилось.

– На первых порах неплохо, но нужно тренироваться. Тренируйтесь, а я мне пора отправляться обратно.

Портал перехода открылся неподалеку, и графиня устремилась туда. Я едва успела крикнуть:

– А как же Шмур?

Графиня, не глядя, показала на него рукой и крикнула:

– Инанис!

Потом портал с легким треском схлопнулся. О присутствии графини напоминала только примятая трава.

– ... и там и там люди зарабатывают на жизнь жалостливыми историями, – сказал оживший Шмур.

Он посмотрел на нас, сидящих на траве и удивленно спросил:

– А когда это вы бухнуться уже успели?

Мы не стали открывать ему подробности нашего приземления – отошел от окаменения и на этом спасибо. Я мотнула головой, мол, веди, Сусанин.

И Сусанин повел...

Всё ближе становилась деревня и всё реже полевые травы. Причина уменьшения травы паслась в полукилометре от нас, но запах от неё доносился такой, как будто минизаводы по производству молока испражнялись рядом.

Плетеные заборы возле домов служили скорее не для ограждения участков земли, а для размещения горшков и прочей глинянной тары на вбитых в землю кольях. Сами дома походили

на загулявших матросов, которые вернулись после месячного плавания в порт и дорвались до винных погребков в местных трактирчиках. Они стояли кто как, покосившиеся, замшелые, но вместе с тем какие-то уютные и домашние. Такими бывают старые растоптанные тапочки, в которых даже мусор выносить стыдно, но их жалко выбросить, ведь в них так удобно сидеть перед телевизором с кружкой чая и баранками...

– Шмур, расскажи вкратце, кто в деревне главный и у кого мы сможем узнать по поводу летающего замка? – спросила я, когда до первого забора оставалось меньше сотни метров.

– Главным в деревне всегда является староста. Вон, видишь дом повыше остальных? Там он и обитает. А что за летающий замок? Тот самый, в котором живет колдун? – спросил Шмур.

– Да, тот самый. А что нам сказать этому самому старосте, чтобы он нам помог? – спросила я, вспомнив, как выглядывала из окна Похотуна и видела проплывающие под замком горы.

– Ой, об этом не беспокойтесь. У меня, конечно, были проблемы с местным населением, но мы всё решили и теперь я смогу быть вашим провожатым. Мы же договорились, – улыбнулся Шмур.

Почему-то мне не понравилась его улыбка... В тот момент я не понимала почему, но у меня зашевелились волоски на шее, которые были ниже затылка. Это был явный сигнал опасности, но в тот момент я как-то не придавала этому значения. А зря! Последующее приключение научило больше доверять своим инстинктам и меньше – человеческим улыбкам.

Высунувшиеся из домиков любопытные женские лица наблюдали за нашей процессией, а мы старались быть не очень красивыми, чтобы не вызывать лишний повод переживать за мужей. Мы опускали головы и пылили по дорожке. В опускании головы был ещё и свой особенный подтекст – коровы не стеснялись облежаться, где ни попадя, поэтому порой приходилось прыгать, как по минному полю.

Дверь в дом старосты была обита ржавыми железными полосами, которые когда-то претендовали своими завитушками на придание стиля и красоты дубовым доскам. Но это было так давно... Сейчас же они смотрелись как поддерживающие элементы для того, чтобы подгнившие доски не рассыпались прахом.

Шмур постучал в дверь ногой, на громкий стук тут же раздалась не менее грубая брань. Я даже заслушалась, когда мужской голос перечислил, что он думает о родне Шмура, о нем самом и о том, как Шмур появился на свет.

Наконец брань стихла и дверь открылась. На порог высунулось одутловатое лицо в обрамлении седых кудряшек. Впереди несся такой ядреный запах перегара, что у нас с Агапой невольно заслезились глаза.

– Чего надо? Мало прошлый раз показалось? Могу сейчас ещё добавить, – пробурчало лицо.

– Не, меня не за что бить. Лучше порадуйся, я академичек нашел! – радостно завопил Шмур и ловким движением вырвал у нас платки.

6

Вот так и началось наше знакомство с деревней Спятки.

Да, не лучшее знакомство, скажу я вам, поскольку нас тут же обступила огромная толпа. Человек десять и все с вилами. Агапа задрожала и прижалась ко мне, как будто я могла чем-то помочь. А ведь я могла...

Пока Агапа рассматривала оскаленные рожи наших новых знакомцев, я повернула Драконью слезу. Всё кругом замерло. Прямо как в песне: "Снова замерло всё до рассвета, дверь не скрипнет не вспыхнет огонь. Только слышно – на улице где-то одинокая бродит..."

Маринка одинокая там бродит!

В тишине и полной неподвижности я аккуратно выбралась из-под острых вилок и отступила к Шмуру. Поганец сиял злорадной ухмылкой и меня так и подмывало сунуть ему в личико пару коровьих мин. А что? Месть хорошая, он ещё не скоро отмоется, а мы хотя бы улыбнуться успеем.

Но нет, мы должны напугать его. И напугать конкретно, чтобы впредь зарекся нас сдавать. Я вытащила из его руки наши платки. Необходимая предосторожность, чтобы не поранился сдуру. А взамен засунула парочку тряпок, которые висели на плетне. Возможно, они планировались на заплатки, но пока послужат заменой нашим волшебным артефактам.

Я скользнула обратно в веселый кружок и засунула платок Агапы ей в карман. Пусть потом порадует, подруга. Так, а теперь нужно было вернуться к нашим баранам... То есть к нашим селянам. Убить себя я им не позволю, но вот какую-нибудь информацию разузнать можно.

Поворот камня запустил жизнь по новому кругу.

– Академички! Сами пожаловали! Вот же не вполне адекватные личности, хотя и красивые на внешность, – сказал староста, целиком показавшись на улице. – Я знал, что ненапрасно прервал свой философский диспут с бутылкой божественного кагора. Такой приз выпадает раз... Да шанс его выпадения вообще стремится к отрицательной бесконечности.

Если медведя нарядить в выцветшую рубаху, сальные штаны и за компанию побрить, то получится как раз вид старосты. Его слова резко констатировали с внешним обликом, хотя...

Однажды я была в гостях у Светки Куравлевой в Москве. Она мне устроила экскурсию по музеям и паркам столицы, прокатились на корабле по Москве-реке и приложились к мощам Матронушки. И всё это за три дня – от впечатлений кружилась голова, а глаза сами собой пытались разбежаться в разные стороны и всё увидеть, всё запомнить. Но больше всего мне запомнился один момент: мы были уже около её дома, когда она на английском языке поздоровалась с бомжеватого вида мужчиной, а тот без запинки ответил ей и продолжил разговор.

Сама я дальше "ду ю спик инглиш" и "май нейм из Марина" не продвинулась, поэтому мне было в диковинку слышать такую беглую речь не то что от Светки, а от этого бродяги. Они болтали минут десять, а потом она вытащила пятьсот рублей и протянула мужчине. Надо было видеть, как он взял деньги – достоинство сквозило в каждом движении, а после он отвернулся от нас и, подхватив две стеклянно звякнувшие сумки "мечта оккупанта", бодрой трусцой помчался к ближайшему магазину.

На мой немой вопрос подруга пояснила, что это профессор Килиманджарский. У него все родные умерли, и он на этой почве немного свихнулся. Продал все апартаменты, дачу, машину, перевел деньги в благотворительные фонды, а сам теперь живет жизнью бездомного. А Светка у него берет уроки английского, за что и платит иногда деньгами, а иногда продуктами. Потом я ещё пару раз встречала этого профессора, и он всегда был безукоризненно вежлив и вел умные речи, из которых я половину слов не понимала.

Вот и сейчас я испытала то же самое удивление, как тогда. Ведь во всех фэнтезийных книгах деревенские жители были описаны как туповатые люди со своеобразным языком и простецкими словечками. А староста шпарил как по писаному, словно месяц учил свою короткую речь, произнесенную настолько чистым языком, что многие дикторы выстроились бы в очередь к нему за уроками чистоговорения.

– Добрый день, – приветствовала я его с самой милой из своих улыбок. – Нам нужна ваша помощь...

– Да что с ними дискутировать? Сотворить сотрясение мозгов средней тяжести, связать веревкой местного производства, да и отправить на транспортном средстве, именуемом телегой, в город на продажу! – воскликнул один из держащих нас под прицелом вил.

– Мы можем заплатить больше, чем за нас дадут, – попыталась я поторговаться.

– Назовите вашу сумму, мы произведем экономические подсчеты, сведем баланс, сальдо, дебет-кредит, узнаем, какая прибыль нам останется после уплаты налогов и тогда, вот только тогда, мы сможем решить – помогать вам или нет, – с крокодильей улыбкой сказал староста. – Если маржа покажется нам достаточной, то вам будет предоставлен карт-бланш.

Надо было видеть глаза Агапы, когда она услышала такие речи от помятого мужчины медвежьего вида. Плюшки-ватрушки, да ему надо было срочно похмеляться, надевать деловой костюм и идти выступать на трибуны, либо в офисный кабинет у графиков... Надо же, как порой бывает обманчива внешность.

– Ребят, а вы точно деревенские жители? Так похоже на какой-то розыгрыш, – попыталась я найти хотя бы какое-то оправдание их речам.

Мужчины презрительно хмыкнули.

– Академички... Почему женщины молодого возраста из вашего мира все поголовно уверены, что жители деревень должны быть ущербнее по умственному развитию?

– Ну-у-у, в основном потому, что жителям деревень некогда заниматься учебной. С утра до вечера дела и заботы, – постаралась я сгладить углы.

Мужчины снова презрительно хмыкнули, а в голосе старосты послышались ещё и скептические нотки.

– Так-то оно так, но нашу деревню недаром называют Спятки – остальной мир думает, что мы спятели, раз вместо хозяйства ведем разумные беседы и читаем философские книги. Да, в ущерб хозяйству мы рожаем великие мысли, дома разваливаются, но оно того стоит, а остальной мир рано или поздно придет к пониманию нашей гениальности и сделает соответствующие выводы. А сейчас, ознакомьте нас с цифрой за ваши жизни?

Из-за спин мужчин я видела довольного Шмура. Вот же засранец! Сдал нас и улыбается. В этот момент я поняла, что забыла спросить у него самое главное – какие деньги ходят в Друмирии? Как называются и какова их ценность...

В Академии мы не думали о деньгах, так как нам сразу было сказано, что финансовая часть вопроса всегда лежит на короле и его жена ни в коем случае не должна эту самую часть теревить. Чертов патриархат, вот теперь ломай голову над тем, что пообещать деревенским... Придется импровизировать.

– Ага, мы тоже не пальцем деланные. Скажем одну цену, а она в пять раз больше. Сначала вы называйте! – я опасалась, что мужчинам надоест вести с нами диалог, но отступить было некуда. – А если она покажется нам достаточной, то и за помощь щедро отсыпем. Мы бы осыпали наградами вон того паренька, – я показала на Шмура, и с некоторой злорадностью заметила, что его лицо перекосило, – но он решил, что лучше будет если мы вам всё отдадим.

Староста окинул взглядом нашего провожатого и благодарно кивнул ему.

– Он показал себя разумным человеком, хотя сначала и совершил акт кражи. За это наша деревня прощает его и впредь не будет столь неблагоприятна, если у него снова проявится

приступ клептомании. А сейчас... Я думаю, что мы удовлетворимся двумя миллионами часандров, и даже дадим в дорогу несколько хлебов.

– Вот ещё! Да за такую цену можно весь первый курс скупить! – воскликнула я. – Пятьсот тысяч часандров и ни часандром больше!

Я не знала, что это такое и с чем его едят, но привычка ходить на рынок и торговаться с местными гостями с солнечного Закавказья дала о себе знать. Увы, я снова недооценила интеллектуальную мощь деревенских умов.

– Принято! Это всё равно в пять раз больше того, что могли бы заплатить за вас на невольничьем рынке, – радостно потер руки староста. – Платите!

Платить? А чем? Что это такое и где взять такую сумму? Опять надо включать импровизацию, и я уже было открыла рот, но в дело решила вмешаться Агапа.

– Мы не будем ничего платить вымогателям! Мы говорим нет терроризму и этому самому... как его... кинднеппингу. Да и вообще, сейчас не средневековье, чтобы делать такие вещи! Это... Это стыдно! И вообще – у нас нет денег!

Мне захотелось сделать тот самый жест, который был так популярен в моем мире и назывался «рука-лицо». Вся торговля пошла прахом, когда староста улыбнулся ещё шире, кивнул своим соседям и сказал:

– Академички... Что с них взять? Заприте их в бане, а завтра отвезем в Кардамош.

Я бы могла повернуть камень, взять Агапу в охапку и попытаться дать стрекача, но увы, я никогда не занималась бодибилдингом, чтобы протащить на себе мою честную подругу хотя бы сто метров. Мы могли бы дать бой, но в таком случае без ран, а то и смертоубийства не обошлось. Мы могли бы попытаться продолжить разговор и в конце концов договорились бы о взаимовыгодных условиях, но тут влез Шмур.

– Староста, я думаю, что неплохо бы их постеречь. Я могу! Всю ночь глаз смыкать не буду, а утром ещё и сопровожу в Кардамош. Обещаю привезти всю сумму, даже за услуги ничего себе не возьму...

Староста почесал голову, снова хмыкнул, посмотрел на Шмура тем самым взглядом, который обозначает: «Неужели и ты во мне дурака увидел?» А после всех произведенных процедур сказал:

– Так я и поверил в сказку. Заприте этого молодого человека вместе с академичками. Пусть охраняет их изнутри.

– Но, староста, я же привел их! – воскликнул Шмур.

– Да, за это тебе наш почет и уважение. В общем, закрывайте всех и до завтра меня не будить, – староста зевнул и отправился обратно в дом.

Мы же под конвоем поплелись к небольшой приземистой халупе, которую почему-то обозвали баней.

7

То, что в деревне называлось баней, у нас хорошие хозяева постесняются назвать конурой. Весь зеленый от мха сарайчик смотрел на нас укоризненно светлым бельмом на глазунке. Дощатая дверь являлась мечтой для любителей подглядеть за розовым распаренным телом. Вот в этот «дворец» и завели нас троих. Хорошо ещё пониже спины вилами не ткнули.

Пока нас вели, Шмур попытался рассказать пленителям, какого он мнения об их действиях, но внезапно расцветший под глазом синяк моментально прервал поток красноречия. Парень угрюмо подошел к почерневшей от времени стене и, смахнув на пол грязноватое мочало, уселся на скамью. Мы же остались оглядываться по сторонам, опасаясь чего-либо коснуться.

А посмотреть было на что – буржуйка с чаном порыжели настолько, что ржавые хлопья свисали кусками коры на мертвом дереве. Деревянные бадейки и тазы были покрыты таким толстым слоем ила, что мне даже показалось, будто в нем появилась своя жизнь. Свет от тусклой лампы дрожал, как грозный той-терьер на ладошке хозяйки. Тени от света прыгали по стенам, словно панки на концерте любимой рок-группы.

– Доживите до утра, многоуважаемые посетители, – хрипло проговорил нам в спину один из провожатых. – Постарайтесь забыться хотя бы коротким сном, если приснится белый единорог, то это к богатству.

– Нет, ты что – много навоза, вот что снится к богатству, – поправил его другой.

– Да ладно, эти кучи мне то и дело снятся, но пока что богатства я не обрел, – сказал первый.

– Ты богат умом, а это то, чего не купишь ни за какие часандры, – миролюбиво ответил второй.

Рассуждая о снах и их играющей роли на судьбы людей, спятковцы завалили дверь внушительным чурбаком и пошли обратно, ни на миг не прерывая свой занимательный диалог. Если бы меня интересовали сновидения, то я могла бы сейчас многое подчерпнуть, но меня в этот момент интересовало другое:

– Скажи, Шмур, какого...

– Марина, не ругайся, пожалуйста, – взмолилась Агапа. – Мы и так в грязном месте, так что не стоит его ещё больше пачкать.

– Угу, – пробурчала я, – не буду. Постараюсь попить.

– Это как? – не поняла Агапа.

– А вот так, – ответила я и снова обратилась к Шмuru. – Какого пи-и-ипа, ты, пи-и-ип разпи-и-ипистый нас этим пи-и-ипам сдал? Или у тебя в башке вместо мозгов пи-и-ип бултыхается? Нам нужно было наших девчонок из лап одного пи-и-ипа вырвать, а вместо этого мы сами к другому пи-и-ипу в плен попали. И завтра нас эти пи-и-ипы другим пи-и-ипам поедут продавать. Ну прямо полный пи-и-ип!

Для верности я ещё пять раз пикнула, а потом смогла выдохнуть. Вроде бы полегчало. Шмур непонимающе смотрел на меня, пришлось переходить на обычный язык.

– Да я чего? Я же для нас старался. Мы завтра отправимся в город, а там уже всё и разузнаем. Мы там ляпнем чего-нибудь этим спятившим мудрилам, да и быстренько убежим, пока они заведут свои извечные споры о смысле сказанного. А уж в городе и народу больше и жалостивцев хватает, вот у них-то мы и разузнаем по поводу вашей пропажи. Всё же спланировано, чего вы так на меня смотрите? Хотите, я вам платки ваши верну...

Шмур полез в карман и оторопело уставился на те заплатки, которые я ему подсунула вместо наших платков. Я с ухмылкой достала свой платок и направила на него.

– Ещё раз такое коленце выкинешь без нашего разрешения – будешь себя ложечкой со стены соскребать! Понял?

– Ага, – нервно сглотнул Шмур. – Всё понял.

– Вижу, что вы нашли общий язык, – раздался насмешливый голос суслягуха, – а чего вы сюда заперлись? Или переночевать негде было?

– Вот только тебя для полного счастья не хватало, – устало выдохнула я. – Где тебя носило, пока в нас тут вилами тыкали?

– По делам летал. А мои дела вас явно не касаются, – показал язык суслягух.

Мне почему-то очень сильно захотелось шлепнуть ему по челюсти, чтобы он прикусил язычок и больше не высовывал его наружу. Некрасиво это. Так бы и шлепнула, но побоялась не рассчитать силу удара. Вдруг откусит кончик – кто же тогда нас будет развлекать своими бреднями?

– Всё хотел спросить, а что это за зверек такой? Чего он за вами таскается? – подал голос Шмур.

– Это суслягух, – ответила Агапа, – и он фамильяр Марины.

– Суслягу-у-ух, – протянул Шмур. – Тот самый?

– Не тот самый, а единственный и неповторимый! – подбоченился суслягух.

– Много слышал, но видеть не видел. Да ещё и фамильяр... А у тебя тоже фамильяр есть? – спросил Шмур у Агапы

Та кивнула в ответ.

– Да, у меня зубр.

– Зубр? Ух ты, а чего же мы тогда тут просто так сидим? Покажи его. Ну, пожалуйста. Никогда живых зубров не видел.

– Но... – Агапа неуверенно посмотрела на меня.

– Никаких "но", покажи на минутку, а потом убери. Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, – заканючил Шмур.

Агапа взмахнула платком и мне неожиданно стало нечем дышать, а сама я оказалась прижатой к стене волосатой тушей.

Агапа не рассчитала размеров бани и её фамильяр заполнил всё свободное пространство. Где-то внизу, под копной шерсти раздался приглушенный писк, похоже, что зубр сел на суслягуха. Или на Шмура...

– Агапа-а-а, убери его, – просипела я умоляюще.

Каким-то чудом Агапа меня услышала и полосатая туша перестала перекрывать мне доступ к воздуху.

– Ого, – выдохнул Шмур. – Такая огромная туша... Я только один глаз смог рассмотреть и тот показался больше блюдца. Потом как-нибудь покажешь на улице?

Я с ним согласилась. Действительно, не надо было Агапе вытаскивать своего фамильяра сейчас, когда мы находились в этой конурке.

Чтобы скоротать время, я начала спрашивать Шмура о его мире. Из разговоров я поняла, что мы оказались в мире фэнтезийных книжек, где не знают, что такое нефть, но никого это не смущает, ведь почти в каждом городе есть свои маги, и они не стесняются пользоваться магией.

Зато мне понравились названия местной валюты – по всему Стратуину ходили одни и те же монеты, что лишало возможности существования валютных бирж, зато упрощало торговлю. Так как на Стратуине все поголовно ели хлеб, то за аналог нашей копейки была взята секунда работы пекаря и называлась секундарем. Секундари складывались в минутари, а те уже сходились в часандеры. То есть полная замена меди, серебра и золота. В этом мире ценилось время.

Мужчины не гнушались многоженством, но эта старая традиция уже отходила в прошлое и многие семьи состояли в основном из двух супругов. На ряду с обычными людьми сосуще-

ствовали орки, эльфы, гномы, хоббиты, тролли и прочие существа, о которых в нашем мире только ходят сказки. Драконов мы видели и раньше, как и великана с цваргами, но вот тролли мне пока ещё не попадались.

Сусягух вставлял свои едкие комментарии, поддразнивал рассказчика и всё-таки добился своего – Шмур в конце своей речи начал гоняться за изворотливым фамильяром с угрозами оторвать... руки и ноги. Потом успокаивался, но ненадолго – сусягух снова начинал издеваться над парнем.

Так продолжалось до самого вечера, пока деревенские философы не принесли нам кувшин молока и пару караваев хлеба. Голод не тетка и даже не дядька, он вообще не человек – мы вгрызлись в черствые караваи с такой же охотой, как умирающие от жажды приникают к ледяному ключу в оазисе. Мой фамильяр притащил ещё крупный кус вяленого мяса и мелкие огурцы, поэтому ужин можно назвать более-менее нормальным.

Шмур и сусягух после ужина вяло переругивались, а мы с Агапой думали – что делать дальше? И как-то ничего не придумывалось. Да, мы можем выйти из заточения, но что мы будем делать дальше? Где искать Похотуна и девчонок? Как достать недостающие ингредиенты для исцеления Симпатира? Как победить Фендюлятора и его банду?

Солнце красными лучами пожаловалось, что ему пора уходить и скрылось за горизонтом. Под потолком раздалось шуршание, и я увидела, как побледнела Агапа. Похоже, моя подруга боялась мышей. Я их тоже слегка опасалась. Не то, чтобы они нас сожрали с потрохами, но маленькие серые комочки с голыми хвостами заставляли мурашки гонять по коже дружной толпой.

Но не мыши заставили меня насторожиться. Нет. Я услышала неподалеку голос старосты и невольно прислушалась. А уж то, что он сказал, вызвало ещё одну порцию мурашек.

– Всемиловейшая госпожа Хозяйка, но это категорически невозможно. Да мало сказать – это нерентабельно!

В ответ раздался приглушенный голос, который показался мне знакомым, и я не могу сказать, что это знакомство было приятным:

– Они не должны выйти из деревни. Решай сам, как это сделать.

– Но как? Они же стоят невероятную сумму денег. У нас появился шанс посибаритствовать целую декаду на вырученные деньги. И мы должны сами отказаться от такого куша?

– Раб, не забывайся. Или ваши жизни дешевле жизнью этих академичек?

В воздухе зависла пауза. Я обратила внимание на то, что мои пальцы нервно подрагивают. Что там происходит на улице? К сожалению, ночная темнота скрыла под своим пологом разговаривающих.

– Хозяйка, я всё осознал, но часандры...

– Презренные деньги... Ты получишь их. Но они не должны выйти из деревни.

– Я всё исполню, – еле слышно прошелестел голос старосты.

Я взглянула на Агапу. Вряд ли можно стать ещё бледнее, но у неё это получилось – лицо стало белее простыни из рекламы "Тайд". Она тоже слышала голоса.

– Что будем делать? – спросила она одними губами.

– Подождем, я думаю, что жадность его сильнее, чем любовь к Хозяйке. Он ничего нам не сделает...

Как же я ошибалась... Но поняла это только тогда, когда услышала копошение возле двери, а после раздался стук камня о камень. И всё бы ничего, пусть стучат камушками, но после этих стуков вспыхивали небольшие искорки. А после и вовсе наше место пленения осветилось разгорающимся пламенем, и едкий дым пополз по полу...

8

Первым делом у нас появилась паника.

А что?

Вы бы не запаниковали?

Ага, так я и поверила – в крохотной баньке, с заваленной дверью, в кромешной темноте вы бы оставались спокойными и невозмутимыми. Ещё бы и кофе с козинаками начали бы пить.

Нет, ни за что не поверю, что такое может быть!

Конечно же, как истинные леди вперед мы пустили мужчин. Их не жалко, зато об их подвиге в случае чего будет кому рассказать. Шмур попытался мотнуть головой, но я пригрозила ему платком и он понуро поплелся выбивать дверь. Его попытки не увенчались успехом – дверь издевательски гнулась, но ломаться отказывалась и даже в ответ насажала ему заноз, о чем Шмур известил нас жалобным стоном.

– Заставь дурака дверь выбивать, он и сам разобьется и заноз наберет. Эх вы, девочки-академочки, – прицокнул языком суслягух. – Учитесь, как нужно делать!

Он исчез, а через несколько мгновений с улицы раздался его вопль, звук удара и шмякание, как будто на землю уронили школьный ранец.

– Вот же какой зверек диковинный. Видимо, родился там, где радиационное облучение зашкаливает. Ну, пусть полежит, потом оклемается, – глубокомысленно произнес староста, потом прокашлялся и обратился к двери. – Прошу прощения, академички и воришка-жалостивец. Я честное слово не хотел так поступать. Если вам удастся попасть в астральные миры, то можете отблагодарить меня за хлеб и молоко информацией. Можете присниться, если вам не захочется вставать из земли...

После такой прочувствованной речи послышались удаляющиеся шаги. Мы остались предоставленные сами себе и огню. Огонь, кстати, разгорался очень медленно. Похоже, что бревенчатые стены промокли настолько, что пройдет немало времени, прежде чем мы превратимся в "академичек-гриль".

Конечно же я повернула Драконью слезу. Мне нужно было время для того, чтобы подумать. Снова всё замерло, даже дым перестал клубиться, а яркий язык пламени завис в воздухе.

Что можно сделать? Ударить "шандарахусом"? Поможет или нет?

Взмах платка... я еле успела присесть, когда зеленый шар отскочил от двери, промчался в нескольких миллиметрах от виска Агапы, влетел в дверцу печурки и умчался вверх по трубе.

Больше я пулять заклинаниями не решилась. Но что-то надо было делать, иначе я снова поверну камень, и мы задохнемся прежде, чем нас поджарит огонь.

И в это время на ум пришло то самое заклинание, которому нас обучила Глистана. Но если отразился "шандарахус", то может отразиться и это заклинание. Надо было проделать его в реальном времени и к тому же у меня появилась одна мыслишка...

Поворот камня привел огонь в движение, и он снова заплясал на стенах бани. Хорошо ещё, что пока снаружи, а дым вытягивался через то самое отверстие, куда умчался зеленый шар. Пора действовать.

– Агапа, заливай дверь заклинанием Глистаны, а я ещё кое-что сделаю...

Агапа недоуменно посмотрела на меня, потом закашлялась и вытащила платок.

– Я не знаю, чем это поможет...

– На раз-два-три, – я тоже подняла платок.

– Девушки, сделайте, пожалуйста, что-нибудь, а то я скоро упаду и буду тут в грязи валяться, – взмолился Шмур. – Вон суслягух уже валяется, так почему бы мне не последовать его примеру?

– Эх, мужчины, вам бы лишь повалиться, пока женщины занимаются основной работой. Агапа, раз! Два! Три!

– Инундатио! – воскликнула Агапа и с её платка сорвалась тонкая струйка.

– Боссинио! – выкрикнула я то самое заклинание, которым Фендюлятор во время второго семестра увеличил вуглускра.

Тонкая струйка из платка Агапы превратилась в струю из брандспойта, мощную, с руку толщиной. Агапу отнесло назад, она здорово приложилась спиной о стенку, но не опустила руку. Струя начала заливать огонь с нашей стороны, но снаружи всё ещё горело и, судя по звукам, веселое пламя решило зайти с крыши.

Я толкнула дверь, рука скользнула по мокрым доскам, но бревно снаружи держало крепко. Что же, помирать не хочется, придется демонстрировать, чему мы обучились на первом курсе.

– Швырдикус! – крикнула я, направив платок на дверь.

Бревно отлетело в сторону и, судя по деревянному стуку, встретилось с каким-то другим бревном.

Дверь открылась!

– Давайте мухой! Меньше всего хочется попасть под поехавшую крышу! – я показала пример, выскочив наружу резвым тушканчиком.

Пожар весело разгорался, отбрасывая в стороны причудливые тени. В этих тенях лежали и мирно посапывали два субчика. Один был сусягухом, а второй старостой. Причем второй лежал в обнимку с бревном и с красивой шишкой на лбу. Вот надо будет запомнить цвет его синяка и потом попросить у нашей Глистаны такой же ультрапигментированный оттенок теней для век.

– Эй, сусягух! Хватит щеки плющить! Нам пора уходить! – я ласково потрясла сусягуха за лапу.

Потом потрясла за две, но он назло мне так и не пришел в себя, зато со стороны домов послышались возмущенные возгласы. Замелькали фигуры, и между домов загорелись факелы. Мне почему-то вспомнилась средневековая охота на ведьм.

И ведь охотится будут на нас!

Ещё немного и они будут рядом! А у нас тут горящая баня, а у нас тут староста без сознания, а у нас тут мы на свободе.

– Бежим в лес, а то эти "философы" могут и не разобраться сходу что к чему, – быстро проговорил Шмур. – Вот очень не хочется потом дырки на одном месте штопать!

Повторять второй раз не пришлось. Мы дернули с высокого старта с такой скоростью, что ветер по-разбойничьи свистнул нам по разу в каждое ухо. Шмур не забыл прихватить с собой сусягуха, который промычал:

– Аккуратнее...

Горящая баня осталась позади, а впереди нас с распростертыми объятиями ждал черный лес. Позади остались выкрики, а впереди ждал тихий шум листвы и уханье потревоженных сов.

Мы ломались как возбужденные лоси к самке, не разбирая дороги и ежесекундно рискуя разбить себе лбы. Если вы когда-нибудь бегали по ночному лесу, то можете себе представить наше состояние. Мало того, что ни черта не видно, так ещё и еловые лапы жаждут вмазать от души и почему-то именно по лицу. Пеньки и поваленные стволы словно специально бросаются под ноги, чтобы задержать вас, а кусты цепляются за одежду всевозможными крючками и зацепками.

Шум погони позади усиливался, такими темпами нас скоро догонят.

И в тоже время меня глодала какая-то томительная мысль, как будто я что-то упускаю... Что-то важное, что-то жизненно важное.

– Ай! – воскликнула Агапа.

В темноте это «ай» могло означать что угодно, начиная от паутины на ухе и заканчивая... Да чем угодно это может закончиться. В темноте. В лесу. Во время бега.

– Что случилось? – спросил тяжело дышащий Шмур.

Бедный, ему ещё приходилось тащить на своих плечах сусягуха, который при этом напевал что-то вроде «мы едем-едем-едем в далекие края».

– Локтем на сук напоролась, – пожаловалась Агапа.

– Ого, привет, девочки, – заржал сусягух.

– Да я на ветку, – разрушила его мечты подруга.

– Стойте! – окрикнула я убегающих.

Я поняла, что именно я упускаю. Поняла и мне стало тошно от того, что я сейчас сделаю.

– Да сейчас-то что? – остановился запыхавшийся Шмур.

– Нам надо вернуться...

– Что-о-о? – в один голос спросили все трое.

Даже сусягух забыл притвориться больным и слабым.

– Ты тоже на ветку напоролась, или головой об неё ударились? – спросил Шмур.

Преследователи уже показались между стволами деревьев. Ещё немного и они увидят нас, поэтому я быстро проговорила:

– Верьте мне, нам надо вернуться. Я... Я не могу иначе.

После этих слов я повернула обратно и побежала по широкой дуге, обходя преследователей справа. Вскоре позади послышались шаги.

– Если мы погибнем, то... то я в раю те... тебе буду отвешивать пе... пенделей, – проговорила на бегу Агапа.

– Я не знаю, о чем вы говорите, но тоже напинаю после смерти, – в тон ей прошипел Шмур.

Сусягух дипломатично промолчал, а может снова потерял сознание и теперь болтался волосатым рюкзаком за спиной Шмура.

Со стороны бегущей толпы слышались выкрики, которые не вызывали никакого желания присоединиться к общему веселью:

– Догоним и перегоним!

– Даешь пять километров за десять минут!

– Территориальное расположение для нас не преграда, а временное неудобство!

– Нас не дого-о-онят!

Насчет последнего выкрика я не была уверена, возможно, это всего лишь мой возбужденный мозг подсунул ассоциацию.

Каким-то чудом мы смогли обойти преследователей, и они бодрой ордой скрылись в глухой чащобе леса. Топот, свист, гикание и мудреные возгласы ещё долго раздавались над лесом, пока мы выбирались к Спяткам.

Мы вернулись к горячей бане. Сердце меня не подвело – баня угрожающе накренилась над сладко посапывающим старостой и счет пошел на секунды.

– Помоги его вытащить! – крикнула я Шмуру.

Тот в ответ недоуменно посмотрел на меня:

– Но он же...

– Помоги!

Я едва удержалась от визга, но видимо в моем голосе всё-таки прорезались истерические нотки, когда Шмур свалил ойкнувшего сусягуха в кучу опилок и потянул старосту за ногу. Я потянула Шмура за пояс, так как вторая нога старосты находилась под чурбаком. Мы сейчас походили на деда с бабкой из сказки «Репка» и так же тянули-потянули, а вытянуть не могли. Слишком большой вес для молоденькой девушки и тощего парня.

Баня опасно накренилась. Ещё немного и староста попадет в свою же ловушку. Сам испытает судьбу, которую он уготовил для нас. Нас тоже могло зацепить, но мы не сдавались, хотя волосы начали опасно потрескивать, а близость огня разгорячило кожу.

– Тяни! – изо всех сил дергала я за пояс Шмура.

– Никак! – отвечал мне жалостивец.

Последнее бревно, которое ещё держало постройку, сдалось на милость огня-победителя и отказалось быть прямым. Раздался оглушительный треск, сарайчик с гордым именем БАНЯ рухнул на его создателя...

– Швырдикус! – прозвучало в последний момент, и староста как пробка из шампанского вылетел из-под горящих обломков.

Шмур не удержался и отлетел назад, по пути счастливо придавив меня. Не сказать, что я была в восторге от такого положения, потому что сразу же начала спихивать молодого человека на грешную землю. Мне показалось, что Шмур излишне долго встает и очень долго ищет опору для рук, натываясь по пути... В общем, с горем пополам ему удалось подняться.

Возле старосты стояла Агапа и снова пыталась вызвать заклинание воды. На сей раз у неё почему-то это не выходило также эффективно, как в бане – на лоб старосты падали небольшие шлепки, вместо струи. Зато заклинание перемещения сработало на славу. Староста был спасен и моё сердце успокоилось.

Не то, чтобы он мне был сильно нужен, но не могла я оставить человека погибать такой страшной смертью. Пусть даже он сам желал нам такую же. Я не ждала фанфар за свои действия, но и никак не ожидала того потока вычурной ругани, который сорвался с губ старосты, когда он открыл глаза. Ругался он минуты три и ни разу не повторился – вот что значит начитанный человек.

– Вы... Вы меня спасли? – наконец, проговорил он, когда поток словесных изысков чуть ослаб.

– Ну да, не хотели, но вон Марина настояла, – пробурчал Шмур.

Староста вперил в меня красные глазки. На долгую минуту повисла напряженная тишина, потом староста откашлялся и сказал:

– Благодарю вас, добродетельная студентка Академии попаданок. Я бесконечно ошибался, когда послушался Хозяйку и теперь я ваш вечный должник. Могу ли я искупить свою вину перед вами? Просите, что хотите, в меру своих скромных возможностей я это сделаю.

– Да ладно, ничего не надо. Я просто не могла иначе.

– Ещё и скромная, – выдохнул староста и снял с шеи небольшой мешочек. Из мешочка на свет от огня показался голубой камешек, похожий на шарик жевательной резинки, какие продаются в моем мире в автоматах. – Вот, возьми его. Как будет нужна моя помощь, так ударь его о землю и я приду.

– Это что? – спросила Агапа.

– Разовый портал, его подарили мне волшебники, которые проходили мимо нашей деревни. Он как раз откроется возле меня, и я приду на помощь. А сейчас... – староста метнул взгляд в сторону леса. – А сейчас бегите. Я отвлеку их, направлю в другую сторону.

Я тоже оглянулась. Скорее всего, преследователям надоело бегать по лесу, и они решили вернуться обратно, а может нашли наши следы. В любом случае, выяснять это не хотелось, и мы снова перешли на рысь, не забыв прихватить суслягуха, который болтался на спине Шмура и время от времени улыбался.

Во время бега мне на ум пришел образ Мартильды, чьи безжизненные губы прошептали: «...и эта девушка пройдет огонь...»

9

Всё-таки мы смогли оторваться от философов из деревни Спятка. Бежали долго, потом ещё дольше шли, а уже под первыми лучами солнца мы решили просто полежать.

Хотя, если говорить точнее, то это вовсе не мы решили, но об этом будет известно позднее. Сначала мы остановились на привал у маленького родничка, чтобы попить ледяной воды и осмотреться.

Вода была настолько холодная, что заломило зубы. Последний раз так ломило, когда я хлебнула забытую в машине минералку. Тогда был мороз, но вода в пластиковом отделении двери не успела окончательно замерзнуть. Я отвернула крышечку, запрокинула бутылку и... словно сделала глоток жидкого азота. Сейчас было точно такое же ощущение.

– Ох, какая же холодыга! – я отпрянула от родничка, который брал начало у корней большого старого дуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.